

КАК ВООБЩЕ МОЖНО?

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Могушество Японии, наверное, во многом основано на самобытной системе воспитания и образования. Кто-то из мастеров петербургского АБДТ рассказывал, что на спектакль «Дядя Ваня» привели совсем маленьких детей, чтобы эстетическое наслаждение от чеховского спектакля осталось с ними на всю жизнь. Что утратили в своей школе мы?

— Очень многое утратили, начиная с учебников. Позор, что у нашего государства не находится денег на учебники, что их выпускает Сорос, который платит нашим учителям жалкие доллары. И голодные люди их берут. Помню, я очень любила дореволюционные учебники. В них сочеталось все: и родная речь, и физика, и химия, и что-то странное, неуловимое...

—...любовь, привязанность к Родине?

— Это получалось ненавязчиво, само собой. Это была сфера просвещения, а не образования, как сейчас. С утратой этого названия многое ушло. Неудивительно, что наше население сейчас как бы утратило чувство самосохранения. Никого вроде бы не возмущает, что наша Сибирь уже поделена на сколько-то там штатов. Ее, как Аляску, предлагают купить у нас. И деньги уже припасли. Осталось совсем немного: провести опрос населения, указ президента и... И Дальний Восток также можно продать китайцам или тем же японцам...

— Может быть, отсутствие чувства самосохранения и побудило начать поиск русской национальной идеи? Есть же у Америки ее «американская мечта». Как вы к этому относитесь?

— Отрицательно. При нормальной жизни

это должно происходить само собой. В душе каждого человека. Специально искать русскую идею смешно. Так же нелепо делить идеи по национальному признаку.

— Возможно, сейчас, когда у нас нет никаких опор, национальная идея отчасти могла бы стать опорой?

— А откуда вы взяли, что у нас нет опор? Из газет? Они это постоянно внушают.

— Помните, Уваров когда-то предложил России свою формулу: православие, самодержавие, народность. Она скрепляла русский мир.

— И сейчас скрепляет. Я уваровскую формулу признаю. Что в ней плохого?

— Ничего. Но если она скрепляет нашу жизнь, то почему мы продолжаем жить, под собою не чуя страны?

— Вы хотите от меня готовых рецептов?

— Возможно, ведь вы так протестовали, когда я сказала, что опор у нас нет.

— Опора у нас есть — православие, наша традиционная религия.

— Но у нас не моноконфессиональная страна. Государственными религиями признаны ислам и иудаизм.

— Кем признаны? Не народом же русским а надстройкой правительственной. А под шумок кто только не внедряется в нашу жизнь и сектанты, и протестанты, и католики. И даже «Аум Синрикё».

— В массированном нашествии чужих конфессий не проявляется слабость православия?

— Мне кажется, что проявляется.

— Как же укрепить традиционную Церковь и укрепиться духовно самим?

— Читать сочинения покойного митрополита Иоанна Ленинградского и Ладожского

ПТИКИ?

оскорбленным, как несколько поколений крестьян. У меня не было паспорта, я был крепостным. И ощущение несвободы испытывал в полной мере. Может, и поэтому окупился в политическую жизнь, вступил в коммунистическую партию. Проявлял себя тогда можно было в одних рамках, в партийных. Вступал в партию с верой, что буду бороться с несправедливостями в стране — хотя бы за то, чтобы у крестьян были паспорта.

Вы и представить себе не можете, какие дикие, совершенно чудовищные вещи творились тогда. Помните мой рассказ «Клавдия», написанный на грязовещном материале? Девушке, чтобы соединиться с любимым, необходим паспорт. Чтобы получить паспорт, она выходит замуж за другого, бросает его и едет к первому, но тому замужняя оказалась не нужна. Он отказывается от нее. Сколько было таких, невидимых миру трагедий! Когда Хрущев ввел паспорта для крестьян, интеллигенция этого великого дела просто не заметила. Словечком не обмолвилась!

— Интеллигенцию вы не слишком жалуете...

— Да, к ней у меня чувство, прямо скажем, не очень...

— Почему? Она ведь разная. Есть настоящие подвижники, продолжающие работать, не получая по году зарплаты даже сейчас, когда объявлено, что долги отданы.

— Вы говорите о подлинных настоящих интеллигентах. Но ведь интеллигентом считает себя и Егор Гайдар, отнявший у нас все. Для меня понятие «интеллигенция» пока довольно неопределенное.

— А как относитесь к желанию интеллигенции объединиться в свой конгресс, который в конце года прошел в Москве?

— Любая идея, которая служит объединению народному, мне нравится. Любими путями надо объединяться, в том числе и такими. На предыдущем конгрессе интеллигенции я выступал с резкой критикой президента Ельцина. Может, поэтому на нынешний и не позвали...

— А вам не кажется, что многое стало бы стремительно меняться в России, если бы у власти было больше женщин, как во многих других развитых странах?

— Нет, женщинам с Россией не справиться.

— Почему же? В Великую Отечественную со всем справлялись, а в мирные дни не сможем?

— Думаю, не сможете.

— Жаль, что вы так думаете. Мы коснулись многих болевых проблем. А что сами мы — уже сейчас — можем менять к лучшему?

— Очень многое можно сделать, если каждый человек будет заниматься политикой. Если каждый будет активен, станет разбираться в складывающихся ситуациях, будет активно хотя бы ходить на выборы. И выбирать не кого попапо, а тех, кто работает в общих интересах уже сейчас.

— Выборы дело тонкое. Они проходят, и ничего не меняется.

— Надо самим менять. Я, например, очень хочу помочь Михаилу Карачеву, поэту и директору дирекции по охране памятников. Он многое сделал и продолжает делать для спасения древней деревянной Вологды. Делает, несмотря на угрозы физической расправы. Увы, очень жизнеспособной оказалась установка бывшего председателя облисполкома Власенко, обещавшего мне, смеясь, «снести все деревянные». Что и поныне происходит.

Большинство относится именно так к историческому наследию. Только единицам безразлично, какой сохранится город. Придите вон по московским улицам, почтайте надписи на щитах, на домах. От этих вывесок, от рекламы волосы дыбом. Почему мы так восприимчивы ко всему дурному, пошлому, безвкусному?

— В дореволюционные времена Вологда была, если верить Островскому, театральным центром, из Вологды в Керчь и из Керчи в Вологду брели его Счастливец и Несчастливец. В советские времена ее считали крупным литературным центром страны. Но своего книжного издательства как не было, так и нет.

— Его обязательно надо возродить. Жаль, что наш губернатор Позгалев не следует примеру своего шефа по Совету Федерации Егора Строева, сумевшего создать на Орловщине такие условия, что все писатели там издаются. Но и наш губернатор писателей по мере сил поддерживает. У нас появляются маленькие издательства, мизерными тиражами выходят книжечки, но это все же не то, примитивно и несерьезно. Книжки выходят без редактуры и корректуры, даже с грамматическими ошибками. Понимаю, что это связано с общими болезнями общества, но делать что-то надо... Все упирается в отсутствие денег. Я наблюдал, как ищут их для афганцев и черныбыльцев, для учителей и медиков и ужаснулся: как дошли мы до жизни такой? Но в забастовках и, тем более, в голодовках пользы никакой нет. Сомнительный способ протеста, чаще всего безрезультатный.

— В предисловии к вашему «Ладу» вы заметили, что стихию народной жизни не обуздать, ни в какие искусственные формы она не укладывается. Как же нам быть в развороченном бурей быте?

— Работать! Своим читателям я говорю, что без дела не сижу. Продолжаю работать, сколько могу, хотя работаете уже не так, как раньше. Не так легко и не так интересно. Подчас приходится заставлять себя работать, чтобы не останавливаться. Издана моя историческая хроника «Кануны». Продолжаю работать над третьей книгой под названием «Час шестой». Главы ее выходят в журнале «Наш современник». Планов у меня много, но главная задача — закончить эту книгу. Думаю написать автобиографическую книгу: столько интересного народа видел...

— Не подводя итоги, чувствуете себя счастливым?

— Я не знаю, что значит счастье. Наверное, это спокойная семейная жизнь. Мое счастье зависит от здоровья моих родных и близких. Когда умерла мама, я три года не мог ничего делать, ни читать, ни писать... Боль не прошла до сих пор.

Вологда

ФИГУРЫ И ЛИЦА

Великие, но люди
Субботнее приложение к «Независимой газете»
Выходит два раза в месяц

Ответственный редактор Олег Давыдов
Над номером работали:
Олег Мраморнов, Юлия Горячева, Александр Люсый,
Валерий Пранов, Сергей Шаповал

Корректур:
Нина Гайдукова, Светлана Игнатова

Компьютерная верстка:
Галина Афанасьева, Маргарита Богачева, Марина Спирина, Сергей Курышев,
Константин Федулов, Татьяна Матвеева, Дарима Туратбекова, Наталья Зинякова,
Елена Мартинес-Пуэрта, Татьяна Тулупова

Иллюстрации:
Дина Нурмухаметова, Илья Сергеев

Телефон редакции
924-94-42

© «Независимая газета»
© «Фигуры и лица»